

**ОТЗЫВ официального оппонента**  
**о диссертации на соискание учёной степени**  
**кандидата филологических наук Пархатовой Марии Павловны**  
**на тему: «Сравнение и метафора как инструмент исследования в есте-**  
**ственнонаучных трактатах Теофраста»**  
**по специальности 5.9.7 — «Классическая, византийская и новогреческая**  
**филология»**

Рецензируемая диссертация посвящена естественнонаучным трактатам Теофраста (372–288), философа-перипатетика, ученика Аристотеля. Теофраст играет важную роль в развитии античной мысли. Продолжая традиции своего учителя, он обращается прежде всего к позитивным научным данным. Но если Аристотель писал и трактаты по собственно философии, и сочинения, посвященные естественным наукам, то Теофраст делает решительный выбор в пользу последних. Таким образом, он может рассматриваться как один из первых профессиональных учёных Древней Греции. Интерес к философии у него был, — и наибольшей известностью пользуется его трактат «Характеры», который может быть охарактеризован как сочинение по психологии и одновременно фельетон. Здесь Теофраст проявляет себя как философ и сатирик. Сочинения же Теофраста по естествознанию — «О причинах растений», «История растений» и «О камнях» — переводились на русский язык, но не становились в советской и российской науке предметом диссертационного и монографического исследования. Для своего же времени это выдающиеся работы, заложившие основы ботаники и минералогии. Достаточно отметить, что в «Истории растений» и «Причинах растений» описаны 50 различных видов растений. Таким образом, работа М.П. Пархатовой заполняет лакуну в отечественной классической филологии и истории античной науки.

Поскольку Теофраст был вторым ботаником и минералогом после Аристотеля, то ему приходилось частично пользоваться терминами, введёнными его учителем, частично создавать новые. Поэтому его труды заложили основы соответствующей номенклатуры и отчасти терминологии. Характеризуя но-

минации Теофраста, диссертант подробно рассматривает метафоры и сравнения. М.П. Пархаева с полным основанием отмечает (с опорой на работы Н.Д. Арутюновой, Дж. Лакоффа и М. Джонсона), что метафора глубоко проникла в речь: она активно используется и в повседневной жизни, и в научной речи. Автор отмечает и такие способы расширения значения слова, как *метонимия* и *синекдоха*. С точки зрения оппонента, синекдоха — частный вид метонимии.

Метафора как переосмысление значения слова, перенос его на новый денотат по сходству действительно играет принципиальную роль в развитии научного дискурса. Например, когда были обнаружены элементарные частицы, проявлявшие себя только во взаимодействии с другими, им было дано имя *кварки* — название таинственного племени в «Поминках по Финнегану» Дж. Джойса. Один из кварков был назван *странным*, другой — *очарованным*. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, метафора ни в одном речевом жанре не является обязательной, а в официальном стиле просто недопустима. Тем не менее и в обыденной, и в поэтической, и в научной речи она является самым ярким выразительным средством<sup>1</sup>. Метафора, с одной стороны — уподобление неизвестного известному, т.е. может быть начальным путём познания. С другой стороны, она противоречит обыденному сознанию. Столкновение с ней активизирует и мысль, и эмоции человека.

Благодаря этому метафора играет большую роль в создании научной номенклатуры. Другой способ — образование терминов на базе языка, признанного основой научной терминологии. В европейской культуре такую роль играли древнегреческий и латынь, но, понятно, греческие философы здесь должны были выступать как первопроходцы. Поэтому тема диссертации М.П. Пархаевой актуальна, так как задачей становится выявление истоков научной терминологии в ботанике и минералогии.

---

<sup>1</sup> Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры/ под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М., 1989

В диссертации приводятся именные и глагольные метафоры. Первые подразделяются на устойчивые выражения («улыбка весны», «Зевсова вода»), метафоры, уподобляющие растения животным, метафоры в номенклатуре. Третий термин не представляется особенно удачным: любое наименование предмета научного трактата является номенклатурой! Под ним подразумеваются олицетворяющие глаголы типа φιλέω ‘любить, отдавать предпочтение’ (в применении растениям — ‘тяготеть к определённым условиям, лучше развиваться в них’), φεύγω ‘бежать, избегать’. Несмотря на неточность в терминологии, сам анализ метафор проведён вполне корректно. Сравнения же образуются прилагательными с суффиксами -ειδής, -ώδης ‘подобный’.

Весьма интересно метафорическое выражение, которым Феофраст обозначает дождь: τὸ ἐκ τοῦ Διὸς ὕδωρ ‘дождь’, дословно ‘вода от Зевса (точнее, ‘из Зевса’)’. У рассматриваемого автора оно встречается 9 раз (имя ὕδωρ иногда опускается). Но не он создал это описательное выражение. Оно засвидетельствовано также у Геродота и в «Законах» Платона. М.П. Пархаева предполагает, что оно могло быть частью древнегреческой пословицы, отражающей представление о Зевсе как источнике дождя. Действительно, это подтверждается известным устойчивым выражением Ζεὺς ὕει; возможно, здесь отражён семантический архаизм: корень \**diēus* означал также ‘небо’ (др.-инд. *dyáuḥ*). В этом отношении очень значим известный контекст Алкея, где упоминается и Зевс, и Уран-небо: ὕει μὲν ὁ Ζεὺς, ἐκ δ’ οὐρανῷ μέγας χεῖμων, πελάγαισιν δ’ ὑδάτων ῥοαί (90: 1–2) ‘Дождит Зевс, с неба же великая буря, и застыли потоки вод’: Зевс выступает как активное действующее лицо, Уран как место зарождения бури. Всё это так. Но хотелось бы обратить внимание на важную роль имени ὕδωρ и в другом устойчивом выражении. У Гомера не встречается номинатив имени подземной реки Στύξ, но только синтагма Στυγὸς ὕδωρ ‘вода Стикса’ (II.XIV:271; XV:37). В этих контекстах она упоминается как предмет клятвы (ὄμοσσον Σ. ὕ. ‘поклонись водой Стикса’; Σ. ὕ. ὄρκος μέγιστος δεινότητος ‘вода Стикса — величайшая и страшнейшая клятва’). Но она может заместить и собственно имя реки: οὐκ ἂν ὑπεξέφυγε

Στυγὸς ὕδατος αἰτὰ ῥέεθρα (Π.VIII;36) ‘И не избежал бы он величественных потоков воды Стикса (т.е. самого Стикса = смерти)’. Иными словами, имя ὕδωρ в данном случае передаёт сущность предмета. Морфология и семантика формулы достаточно архаична. По её образцу и могло появиться устойчивое выражение ἐκ Διὸς ὕδωρ.

Большой интерес представляет последняя глава, посвящённая имени αἰγίλωψ, впервые появившемуся именно у Феофраста. Оно может обозначать как злаковое растение (по-видимому, овсюг), так и разновидность дуба. Ср. αἰγίλωψ (Theophr CP 15:5) πόα τις ἐμφερὴς στάχυϊ. καὶ τὸ περὶ τὸν ὀφθαλμὸν πάθος (Hes.) αἰγίλωψ ‘какое-то растение, напоминающее колос. И болезнь, касающаяся глаза’. Значения «разновидность дуба» не упоминают ни Гезихий, ни Etymologicum magnum; однако оно встречается и у Феофраста, и у других авторов. Кроме того, растение *aegilops* описывает Плиний Старший. М.П. Пархаева приводит довольно много различных этимологий: у исследователей даже были сомнения в членимости этого этимона: αἰγί-λωψ или αἰγίλ-ωψ? Второй элемент сравнивали с λώπη ‘одеяние, плащ’ (можно привести и глоссу Гезихия λώψ· χλαμύς), а композит в целом означает нечто вроде ‘козье покрытие’. Но диссертант склоняется ко второму варианту. В этом случае этимон происходит, вероятнее всего, из αἶγίλος ‘козья трава’. Для злака это вполне естественное именование, но какое отношение имеет к этому дуб? По мнению диссертанта, он мог получить имя по ассоциации со злаковым растением, путём метафоры. Однако М.П. Пархаева с полным основанием указывает на то, что в греческом мог присутствовать и корень \*aig- ‘дуб’, засвидетельствованный в германских и итальянских языках: лат. *aesculus* ‘горный дуб’, др.-исл. *eik*, др.-англ. *āc* (*oak*), др.-в.-нем. *eih* (*Eiche*); в греческом к тому же корню относится и αἶγυρος ‘чёрный тополь’. Таким образом, два значения данного фитонима позволяют уточнить весьма существенную черту греческого лексикона. Изначально в нём существовали омонимичный корни \*aig- ‘коза’ и ‘дуб’. Второй почти исчез, так, что имя αἰγίς в народной этимологии стало ассоциироваться с первым: традиционно оно толкуется как

‘щит из козьей шкуры’. Изначально же оно означало ‘дубовый щит’, так как дуб — одно из деревьев Зевса, тогда как коза является тотемическим животным не Зевса, а Диониса.

К сожалению, осталась неотрефлексированной вторая часть определения Гезихия: рассматриваемое слово может обозначать болезнь «вокруг глаз». Здесь интерпретация зависит от характера болезни. Если она затрагивает кожу вокруг глаз, можно предположить сыпь или воспаление, делающее кожу шероховатой, так что она метафорически уподобляется колосу. Если же поражён сам глаз, то, возможно, он становится более выпуклым и округлым, напоминая глаз козы.

Прочих замечаний по работе не очень много. В библиографии лучше было бы вынести в отдельную рубрику не только издания и переводы античных авторов, но и словари, а также справочники типа 6-томной «Жизни растений». Затрагивая имя λεῦκος ‘белый тополь’, диссертант с полным основанием говорит, что оно производно от λευκός, и что передвижение ударения возникло в общеиндоевропейскую эпоху. Но этот тип номинации рассмотрен в книге И.М. Тронского «Древнегреческое ударение» (М.; Л., 1959), на которую нужно сослаться.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.7 — «Классическая, византийская и новогреческая филология» (по филологическим наукам), а также критериям, определённым пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Пархаева Мария Павловна заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.7 — «Классическая, византийская и новогреческая филология».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,

ведущий научный сотрудник отдела теоретической лингвистики

ФГБУН «Институт языкознания РАН»

КРАСУХИН Константин Геннадьевич

02 декабря 2024 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена  
диссертация:

10.02.20 — «Сравнительно-историческое, типологическое и  
сопоставительное языкознание»

Адрес места работы:

125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1

Тел.: +7 (495) 690-35-85; e-mail: krasukhin@iling-ran.ru

Подпись сотрудника Института языкознания РАН Красухина Константина  
Геннадьевича удостоверяю:

кадровый работник